

Олег Скрынник

ТАЙКИНО СЧАСТЬЕ

рассказы и стихи

Олег Скрынник

Тайкино счастье. рассказы и стихи

«Издательские решения»

Скрынник О.

Тайкино счастье. рассказы и стихи / О. Скрынник —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749269-4

Новая книга Олега Скрынника содержит последние рассказы, стихотворения и литературные пародии. Герои произведений — наши современники, занятые решением различных проблем, которые приносит им наша непростая жизнь. В решениях, принимаемых ими, сказывается выдумка, характер и неповторимая индивидуальность. Стихи демонстрируют поэтическое осмысление автором окружающей нас действительности во всём её драматизме. При этом автору никогда не изменяет чувство юмора.

ISBN 978-5-44-749269-4

© Скрынник О.
© Издательские решения

Содержание

XXI век	7
Обход	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

**Тайкино счастье
рассказы и стихи
Олег Скрынник**

© Олег Скрынник, 2016

© Алёна Погребная, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

XXI век

Ученик 7-го класса «Б» Валерка Копалькин, светлый и долговязый в неведомого отца, сдвигает в сторону стаканы с мокрыми чайниками. На освободившееся место стелет номер газеты «Труд». Отрывает клочок, чтобы протереть запачканный чернилами конец авторучки. Наконец, горько вздохнув, пишет в тетради с замятыми уголками число, чуть ниже – «Домашняя работа».

И надолго задумывается... Вернее, погружается в оцепенение, куда, бывает, сносит, когда впереди не очень ясная работа.

Столбняк длился бы ещё, если б не воробей. Долбанулся в окно – хватит, мол, спать – и задержался, вытянув любопытную шейку.

Валерка, хмыкнув, склоняется над тетрадью и выводит единственную имеющуюся в наличии фразу.

«Моё представление о будущем».

Прикрыв глаза, честно пытается представить это самое будущее. Но перед внутренним взором возникает лишь мельтешение каких-то закорючек. Чтоб зайти с другого бока, крупно пишет на полях газеты «2000». Дата красивая, кругленькая, но наполняться зримыми образами не хочет. Валерка пытается представить себе две тысячи хотя бы чего-нибудь... И с горечью видит, что даже не может придумать, чего именно. «2000 км» так же безлико, как и «2000 т», а «2000 мг» – как-то увидел на коробке в аптечке матери, – так это ж «2г»! – такая чепуха, о какой и думать-то не стоит.

Столбиком подсчитывает, сколько ему будет лет. Получается пятьдесят три. Дощатый стол в углу двора, обсиженный мужиками в кепках и шляпах, трясущиеся руки, чёрные костяшки домино... Что это за будущее!

Эх, заглянуть бы под локоть отличницы Таньки Пашутиной да стыбздить что-нибудь из её правильных мыслей!

Парень встаёт и с кислым лицом делает круг по комнате. Натывается на забытую в уголке дивана библиотечную книжку «Кратер Циолковский». В слабой надежде выудить что-нибудь оттуда, перечитывает, как партизана Платона Журко спасают от белогвардейской расправы дымчато-синие пришельцы, молчаливо сочувствующие делу освобождения рабочего класса на планете Земля. Увлёкшись, не замечает, как прочитывает по второму разу добрую половину книги.

Бой часов в соседней комнате, у Малининых, отвлекает от чудесной встречи со спасённым партизаном через много лет на Луне.

Да, книжка поможет едва ли. Во-первых, борьба с белогвардейщиной – где-то далеко-далеко в прошлом и к заданной теме совсем уж не лепится. А во-вторых – и в-главных! – действие происходит лет за двадцать до двухтысячного года. Ведь это время – вот оно, его и за будущее-то толком считать нельзя. Всем известно: будет построена материальная база коммунизма. И конечно, тогда – а может быть, и раньше – наши всюю будут работать на Луне. Сомнительно только, что там откуда-то появятся американцы. Они ещё и в космос-то не летали! Но, в конце концов – ладно уж, допустим. Тем более что – по книге – американская техника то и дело ломается, а сами они постоянно строят козни как нам, так и друг другу, из-за чего нашим то и дело приходится беззаветно их спасать. И где ж тут, извините, фантастика? Это просто газета какая-то. Последние известия. Не-ет, мои хорошие, конкретное будущее начнётся только в XXI веке, после таинственного года с тремя нулями.

Валерка поднимает глаза к потолку, где у корня типового, матового стекла, светильника устраивается на зимовку медлительная муха.

Хочется курить.

Глядя, как Василий, нацепив на щедро сдобренный веснушками нос невидимое пенсне, щёлкает на мнимых счётах, Валерка хохочет так, что у него начинает болеть под диафрагмой. Но беспощадный дружок, важно поглядев поверх «стёкол», блеет противным фальцетом:

– Дебет, кредит, Са-альдо, бульдо...

– С-сальдо... В карман! – подхватывает Валерка, к этому времени почти уже сползая со скамейки.

– А возьмут? – говорит он, когда оба отдышались.

– Дядька договорился. Учеником токаря обещали взять. А что? Семилетку кончил, хватит с меня образования. Не всё же учиться. Надо когда-то и пожить. А?

И, прерывая задумчивое валеркино молчание, продолжает.

– Ни ...! Зато теперь «бычки» сшибать не будем. Денежка будет в кармане! А?

Он хлопает Валеру по плечу.

– В отпуск на базу отдыха поедем. Волейбол, девочки... Э? Ни тебе букварей, ни арифметики – житуха! А говорят, скоро вертолётёты начнём выпускать.

– Иди ты!

– Чё «иди ты»! Скоро вертолётётов будет – хоть жопой ешь. Сплошные вертолётёты. Куда надо – садись, лети. На машинах – так, пенсионеры разные будут катать, да детишки баловаться. А вся путёвая публика – на вертолётётах.

Валерка пытается представить небо, заполненное винтокрылыми машинами, тархтящими и застыжими солнце, и ему становится не по себе.

– А как же они разъедутся?.. – то ли спрашивает, то ли вслух рассуждает он. – Лопастито у них во-о-о!

– Дура, – отвечает Васька. – Это ж тебе не на земле. Неба на всех хватит! А в крайнем случае, можно и выше подняться.

Валерка молча соглашается, что насчёт «выше» он как-то не подумал.

– А со стоянками как? Им ведь сколько места надо!

– А стоянки будут прямо на крышах.

– На крышах? Они же оттуда свалятся.

– Дурак, крыши-то не такие будут. Плоские. Секи: приземлился – и сразу в дом. По земле и ходить не надо. А потом и машины отменят. Дорог – никаких не будет. Кругом травка. Хоть в футбол играй, хоть загорать ложись!

– А как же в дождь? С плоскими-то крышами.

Васька машет рукой.

– Придумают что-нибудь. Вон, говорят, дожди расстреливать можно.

– Как это «расстреливать»?

– Каком кверху! Из пушек.

– Эт где это такое говорят?

– Да у нас в классе один где-то читал.

– Прямо снарядами?

– Нет, арбузами. Конечно, снарядами!

– Да ведь снарядов не напасёшься.

– Ха! Снарядов. Снарядов вон ещё с войны по складам лежит чёртова уйма.

– Да ладно!..

– Чё «ладно»! У нас во дворе старшина, сверхсрочник живёт. Как-то по пьянке мужикам рассказывал. Да скоро и вообще разоружение будет. Совсем некуда их будет девать!

– Чтобы разоружение делать, надо, чтоб коммунизм везде был.

– Ну, так и будет. Слышал, что по радио говорят?

– Но это ж ещё через двадцать лет!

– Каких двадцать! Уже меньше осталось.

– Ну, подумаешь, – немного меньше!

Васька прикуривает ещё один «бычок» и, затянувшись, мечтательно произносит:

– Представляешь! Никаких денег не надо. Заходишь: чего тебе? Шоколад – пожалуйста.

Кукурузные хлопья – будьте любезны. Сигареты – да на здоровье...

– Не-ет, – тянет Валерка, уклоняясь от васькиного дыма. – Сигарет, наверно, не будет.

– Эт почему это? – Васька втыкает в приятеля свои огненные ресницы.

– Все курить бросят. Вредно.

– Это табак-то вредно? Не кизди.

– А чего же, вон, плакаты везде поразвешаны? «Курить бросим – яд в папиросе!»

– Гы-гы! А мы курим сигареты.

– Всё-таки, я думаю, курёжку отменят, – не обращая внимания на дурацкую шутку, гнёт свою линию Валерка.

– Как ты её отменишь?

– Да очень просто: продавать не будут.

– Будут самосад сажать, – уверенно возражает Васька.

И, помолчав немного, добавляет.

– Вот анашу курить – это действительно вредно.

– Сказал тоже: анашу! Её вообще запретят. С неё с ума сходят.

– Анашу и сейчас курить запрещено. Она мозг сушит, – со знающим видом замечает

Васька.

– А я слышал, что в Средней Азии её свободно курят. Как же так?

– Откуда я знаю? Может быть, у них не сушит!

Из шуршащих кустов акации выныривает кудрявая фигура в короткой чёрной шинельке и «ремесленных» чоботах с заклёпками. Точное имя фигуры никому не известно. Кто говорит, что Сергей. Кто успоряет, что Петя. Сам же он охотно откликается на Мичман, что устраивает и тех, и других.

– Фу-у, какую гадость вы курите! Насбирали окурков. Вот сифилисом губы-то вам обмечет! – приветствует он приятелей фразой из «Ивана Денисовича».

– Привет, – отвечает Васька. А ты чё сегодня куришь? «Гавану» что ли?

– «Хабана» Погарского комбината? – насмешливо подхватывает Валера.

– «Хабана» не «Хабана»...

Мичман вынимает из кармана щегольскую пачку сигарет «Джебел».

– Ого! – присвистывают друзья. – Это албанские, что ли?

– Опомнися. Албания нам уж который год ничего не поставляет. Это Болгария!

– Ух ты! – не удержался Валера. – А покажи.

Ему давно хотелось посмотреть, как открываются эти заграничные пачки.

Мичман жеманно прихватывает кончик узенькой красной ленточки и тянет за него. Рука описывает окружность вокруг пачки, и ленточка отпадает вместе с верхом целлофана. Валера разглядывает сигарету, украшенную затейливым золотым вензелем. От неё исходит такой аромат, что не хочется прикуривать.

– Ну, что. Отменят курёжку в двадцать первом веке? – ехидничает Васька.

– Откуда такая роскошь, Мичман?

– К соседям сын приехал из армии.

– Ты говорил: он где-то за границей служит.

– На Кубе.

– В отпуск?

– Комиссовали. Он без ноги приехал.

– Ух, ты! Как это?

– Не говорит. Да я и не расспрашивал. Ему должны протез за государственный счёт сделать. Вот он и сидит, ждёт. Бухает. Я ему за бутылкой сбегаю – он мне какую-нибудь мелочишку и подбросит.

– А тебе и водку дают?

– Мне всё дают. Шинелка выручает! – Отгибает казённый лацкан и демонстративно целует. – Они думают: я в ремеслухе учусь.

– Хорошо устроился, – хмыкает Васька. – А летом?

– А на лето у меня фурага есть. Ты разве не видел?

– А-а, ну да. Из-за неё тебя «мичманом» -то и прозвали?

– Не знаю.

– А говорят, сейчас какие-то с фильтром появились, – говорит Васька, указывая на сигарету.

– Появились. Но за ними ходить далеко, к самой «пожарке». И дорого. На пять копеек дороже.

– На пять копеек! – присвистнул Васька. – Трюльник добавить – и пачка «Байкала».

Валера поиграл в кармане болтавшейся там второй день трёхкопеечной монетой так, как будто у него уже были эти пять копеек.

– Привет, желтор-ротые!

Сквозь кусты, зажав в одной руке кирзовую сумку, а другой придерживая полы телогрейки, вламывается Керя – мужчина неопределённого возраста и занятий. Ребятня сдвигается плотней, но он, не садясь, нашаривает в сумке стеклянную банку и протягивает Валерию.

– Задень воды, мой юный друг.

Валера направляется в дальний угол сквера, где из торчащей из-под земли трубы постоянно течёт вода. Летом сюда прилетают птицы, заворачивают вольноопределяющиеся кошки, собаки и гонимые жаждой прохожие – кто знает про это место. Зимой посетителей почти что нет, вода течёт одиноко и, должно быть от скуки, развлекаясь, лепит причудливые формы, напоминающие не то сталагмиты, не то колонны в мавританском стиле, не то гигантской толщины манильские канаты. Фигуры эти сохраняются почти до конца лета, в июльскую жару радуя своей прохладной голубизной. Не успевают они растаять, как снова подступают холода, и всё повторяется сначала.

Вернувшись, Валера видит, как Керя вливает в бутылку содержимое двух небольших флаконов тройного одеколона. Затем достаёт из сумки небольшой, серой грубой бумаги, кулёчек и, стараясь не обронить ни крупинки, всыпает сахар. Наконец, всё хорошенько разболтав – так, что кристалликов сквозь бутылочное стекло уже не видно, – доликает, сколько умещается, воды.

– Ну что, орлы! Ликёр «Шартр-рёз»! Прохлаждает летом, согревает в мороз!

В вырезе его выдавшей виды тельняшки воробьями бьются две узловатые жилы.

Валерка мотает головой.

– Парфюмерию не пью.

– Пей «фурик», не будь дурик!

Керя выплёскивает из банки остаток воды и наливает молочно-белой пахучей жидкости. Мичман берёт банку и делает большой глоток.

– Ну, как? – интересуется Васька.

– Ништяк. – Вытирает губы рукавом шинели.

Вася отхлёбывает и застывает, раздумывая, проглотить эту гадость или всё-таки выплюнуть. Воспользовавшись этим, Мичман отбирает у него банку и допивает до дна.

– Ну, как там Витя Лось, твой сосед?

– Да как... Я уж тут пацанам рассказывал. Сидит, бухает. Протез ждёт.

– Только протез и заслужил? Э-эх!..

– Может, потом и коляску дадут.

– Даду-ут, – тянет со вздохом Керя. – Мотоциклетную «лягушку».

И, помолчав, добавляет.

– А как мы с ним пацанами в футбол резались! Весь «Локомотив» нас уважал. А дрались с бановскими! Нас двое, а их – десятка полтора. И ничего они с нами не сделали!

– Полтора десятка – и ничего?

– Ага. Они так тусовались по одному, друг другу мешали только. А мы встали спина к спине, и уж как врежем – так врежем! Что он, что я. Друг друга стоили! Тут главное – не бояться. Одного-двух вырубили. А остальные – смотрим – топчутся, а подлезть рахаются. Так и разошлись потихоньку. Ага. Потом подружались. Даже иногда пили вместе. И с тренировки с тех пор в любой час идёшь спокойно: знаешь – ни одна... тебя тут не тронет.

Здрав тельняшку, Керя скребёт ногтями впалый живот, весь расчерченный шрамами. Вытаскивает смятую пачку «Севера». Лезет в неё пальцами в поисках уцелевшей папиросы.

– Ты бы сходил к нему, – говорит Мичман. – А то он целыми днями всё один. Скучает.

– Да...

Керя взрывается кашлем. Словно там, внутри, схватились два зверя. Один хочет вывернуть человека наизнанку, а другой не даёт. Вцепились когтями и грызутся с рёвом, визгом, остервенением и не понять, какой приносит больше страданий.

Наконец звери соглашаются на краткую передышку. Керя прикуривает потухшую папиросу и безнадежно усталым голосом заканчивает:

– Да... Как-нибудь.

– Жалко мужика, – говорит Мичман, когда ребята остаются одни.

– Эх, был бы сейчас двухтысячный год! – восклицает Васька. – Ему не мотоколяску, а какой-нибудь выдали бы вездеход. Да что вездеход – везделёт! Жжик – и слетал куда надо. Скажи? Хоть на охоту, хоть на рыбалку. Хоть, если надо, – в Москву. Или на море.

– Двухтысячный! Да в двухтысячном ему бы и везделёт твой не понадобился. Ему б эту ногу как настоящую сделали. Какую-нибудь радиоуправляемую. А?

– Или свою назад пришили бы.

– Вообще-то, я про Керю, – задумчиво произносит Мичман.

– А что про Керю? – опешили мальчики. – Алкаш, он и есть алкаш.

– Много вы знаете, «алкаш». Знаете, какой он был? Сам Витька Лось ему завидовал. Он и в офицеры-то пошёл для того, чтоб Керю переплюнуть. А Керя – красавец, отличник, умнейший парень. Знаешь, как за ним девки ухлыстывали!

– А ты-то откуда всё это знаешь?

– «Откуда!» Я ж Витькин сосед. Да и Керины старики там недалеко жили. Это он уже после на Спутник переселился. А так... Они меня везде брали.

– И по девкам тоже?

– Представь себе. Я же пел и плясал, пахан меня научил. Ка-ак сбациаю что-нибудь, они все аж обоссываются! За это дело да за кудряшки меня цыганёнком звали. Девки то яблок, то конфет насыют, что в карманы не помещаются. За пазуху складывал!

Он помолчал, наслаждаясь воспоминанием.

– На футбол ходил, за них болеть. Между прочим, два раза чемпионами области были! И на Лысую гору...

– А на Лысую-то зачем?

– Э-э, да вы маленькие у нас, раз не помните. Там раньше соревнования были по авиа-моделизму. И Керя, если хотите знать, по этому делу кандидат в мастера.

– Что-о?! И за это тоже кандидата дают? – изумился Васька.

– Ещё как дают. А он – знаешь, какой конструктор! Изобретатель.

- Иди ты. И что же такое изобрёл? Ракету?
- Хрен её знает, но что-то там на заводе изобрёл. Пахан рассказывал, как его поздравляли, премию вручали.
- А что же случилось?
- Случилось. Шёл со второй смены – и нарвался. Восемнадцать ножевых. Секёшь? Полтора сантиметра до сердца не достали.
- И кто же его так?
- А никто не знает. Их так и не поймали.
- А за что?
- Да хрен их маму знает, за что. Сам он ничего не помнит, его без сознания нашли. Как бывает: подойдут что-нибудь, слово за слово... Ничего не знают: ни кто такие, ни сколько их было. Ничего! Ему Франц операцию делал. С того света вытащил!
- Ну, Франц!.. – протянул Валера. – Это был волшебник. Профессор Сальватор! Интересно, где он сейчас?
- Говорят, в Москву забрали... Да. Так вот, Керя. Из больницы пришёл совсем другим человеком. На завод возвращаться не стал. С тех пор болтается. То грузчиком в магазин пристроится, то на станции чего-нибудь сшибёт. Старики померли, дом продал. Пропил... Совсем другой. Даже разговор у него стал какой-то... Вот это «гы-гы». Раньше никогда так не разговаривал!
- А где это... Его порезали-то?
- А в Рабочей. Сейчас там хоть какое-то освещение сделали. А тогда было – на весь курмыш полтора фонаря.
- Бы-ыло полтора. А сейчас, может, два.
- Чего делать-то будем? Темнеет уже.
- У кого сколько?
- У меня трюльник.
- Валерка сжимает в кармане тёплую, как живая, монетку.
- И у меня десятчик, – говорит Мичман, так и не дождавшись, когда подаст голос Вася. – На кино не хватает.
- Пошли на улицу. Может, кого найдём.
- В ателье, что в доме напротив, уже светят белым и розовым длинные лампы. Видно, как двигаются работницы в косынках и фартуках, с обнажёнными до плеч руками. На фоне окон темнеют несколько разнокалиберных силуэтов.
- Здорово, шпана! – обращается к силуэтам Мичман. – Как насчёт кино?
- Финансов не хватает.
- Да нам добавить семнадцать копеек всего. Наберётся?
- Семнадцать-то наберётся, – воспрянули духом пацаны. – И сколько это будет?
- Сколько надо. Тридцать.
- А вдруг сегодня сорок?
- Не-е, – отзывается малого роста пацанчик. – Я сейчас мимо шёл, узнавал. Точно тридцать!
- Ну, тогда вперёд! – командует Мичман, и ватага валит за ним прямо по мостовой. Выйдя из кассы с узеньким синим билетом, глазами отыскивает Ваську.
- Держи. Сегодня ты идёшь.
- Чё это я? – хмуро осведомляется неплатёжеспособный Васька.
- Ты сегодня самый солидный. Гля, лапсердак у него —мохнатый, плечистый... Орёл!
- Компания одобрительно гудит. У джентльмена с билетом самая ответственная миссия. Когда начнётся сеанс, втихую достичь заднего выхода. Проскользнуть под портьеру. Бесшумно

снять крючок и вернуться на место. Понятно, что он должен выглядеть более-менее «по-взрослому», дабы не провоцировать контролёршу на нежелательную бдительность.

Отправив «казачка» внутрь обживать, Мичман присваивает оставшимся порядковые номера.

– Значит, так. Толпы не делать, рассредоточиться. Первый прогуливается в районе заднего выхода, Второй за ним наблюдает. Как первый зайдёт, считает до ста пятидесяти и только тогда заходит сам. Не раньше! Третий считает от первого до трёхсот, четвёртый до четырёхсот пятидесяти и так далее. По залу зря не болтаться, в передние ряды не лезть. Уходить через задний выход, не дожидаясь, когда зажгут свет. И тихо как мышки. Всем понятно?

Все давным-давно это знают. Однако ж инструкцию выслушивают без шума, с полным вниманием. На её строгом соблюдении держится всё предприятие – сегодня, завтра и всегда.

– Замыкающим пойду я.

Обязанность замыкающего – притворить дверь, накинуть крючок, расправить портьеру и вообще сделать всё как было. Тоже абы кому не доверишь.

– А какое кино-то? – спрашивает Валерка. Он забыл посмотреть афишу.

– Да хрен её знает, – слышится из темноты.

– Какая-то «улица».

– «Плутона», кажется.

– И ещё «дом номер 1», – добавляют уже издалека.

Значит, «Улица Плутона, дом 1». А может, Платона. Или Ньютона? Чепухенькая-то.

На экране – учёные парни в белых рубашках и узеньких галстуках. То спорят, то остервенело пишут какие-то формулы – где попало и на чём придётся. То принимаются бить друг другу морды – опять же неясно, за что. До самого конца Валерка так и не может понять, чего они там все добивались, и выходит первым.

– Ох, и тягомотина! – восклицает Мичман, протягивая Валерке сигарету. – Лучше бы хлебцев купили да похрустели в садике. Скажи?

– А мне понравилось, – говорит один из пацанов. – Какая рожа была у этого, когда он смотрел, как те дерутся в камышах!

– Ну, пока.

– Ты куда это, Лерыч? – в один голос осведомляются Васька и Мичман. – Чё: не домой?

– Мне...

Он туманно отмахивается и уходит в сторону Рабочей.

Слегка брызжет и тут же стихает мелкий дождик. Фары редких автомобилей отражаются в мокром асфальте. Тени столбов и деревьев мечутся по незнакомым фасадам.

«Кто это был?.. Сколько их было?.. За что они его?..»

Шагая, поглядывает по сторонам. Тёмные окна. Тёмные двери. Во дворах ни души. Докурив, нашаривает в кармане обломок мускатного ореха. Отгрызает крупинку. И кто это говорит, что больно уж хороший вкус? Очень даже так себе.

«Стекляшка» проходной сияет ярким светом. Смена ещё не закончилась, и внутри тихо дремлет вахтёр. На мокрую скамейку садиться неохота. Валерий пускается взад-вперёд по влажной аллее, обсаженной рябинами. В свете фонарей они фантастически красивы. А интересно: чего же всё-таки хотели эти парни, в кино? Ну, хорошо. Пусть мы дураки. Но ведь был почти полный зал. И тоже никто ничего не понял? Не должно быть. Эти формулы... Их писать никого и палкой не заставишь. А тут – оркестр играет, деваха такая рядом, а он – пошёл, пошёл строчить... А в морду за что? Тоже за них?!

Он аж остановился, пытаясь представить себе, как всаживает в переносицу... Ну, хоть тому же Ваське. За какие-то формулы? Тьфу, аж думать противно. А они... Полудурки какие-то? Не похоже. Значит, в формулах этих что-то есть. Но что?

Керя этот опять же. Вишь: изобретатель. А я мог бы что-нибудь изобрести? А как это вообще изобретают? Семилеткой тут, пожалуй, не обойдёшься... У кого бы спросить?

Мать, увидев его издали, с испуганным лицом переходит на бег. Сумка, распухшая как жаба, бьёт по ногам.

– Что? Что случилось?

– Да ничего, успокойся. Просто пришёл тебя встретить.

Она всматривается в его глаза.

– От меня ведь всё равно не скроешь!

– Да прекрати ты, наконец! Сын пришёл встретить, а она тут всякую ерунду...

Наконец она, кажется, верит.

– Фу-у, напугал. Значит, встретить. Когда такое было?

– Маленький был.

– А теперь, значит, вырос.

– А теперь возмужал. Буду тебя встречать. Мало ли что...

Она взъерошивает его пепельную шевелюру.

– Жен-пельмен. Мужчина!

– А чего так нагрузилась?

– Да... Из магазина вышла, воткнулась в очередь за арбузами. Пока простояла, уж домой идти было некогда: на работу пора бежать. Вот так и получилось.

– Тяжеленный какой, – сказал Валера, перехватывая сумку. – Кормовой, что ли?

– Какой-то азиатский. Длинный такой да светлый. Корка толстенная. Но говорят, сладкий. Давай вдвоём понесём!

– Ещё чего!

Он вешает сумку на плечо.

– Ел что-нибудь?

– Ну, дак кашу же твою.

– Всю съел?

– Нет. Тебе мал-мал оставил.

– Напрасно. Надо было доедать.

– А ты?

– Я у нас в буфете закусила.

– Когда это было!

Едва войдя в комнату, мать тяжело опускается на диван.

– Что-то ухайдокалась я сегодня. Щас ка-ак завалюсь! Только бульбушки пойдут. А ты говоришь, кашу. Какая там каша! Сам доедай.

Валерка стаскивает с неё сапоги.

– Разбери сумку, а?

Он заглядывает внутрь.

– Ма, а этот кулёк куда?

Не услышав ответа, подходит, поправляет одеяло и, растолкав всё по своему разумению, собирает письменные принадлежности. Потушив свет, выскальзывает на кухню. У Малиновых, через дверь, бубнит радио. Сюда доносятся далёкие слова: генерал Мобуту... провинция Катанга... Он включает над столиком свою – к их с матерью комнате относящуюся – лампочку и, обхватив ногами ножки табуретки, начинает писать легко и быстро. Про двухтысячный год, про небо, полное вертолётов, которые садятся прямо на крыши. Про то, как из пушек расстреливают дожди, потому что войны кончились навсегда, и пришло всеобщее и полное разоружение. Как на Земле не осталось никаких болезней, ведь люди изобрели такое лекарство, 2 г

которого, принятые в детстве, полностью и на всю жизнь защищают организм от любой гадости. А больницы переоборудованы в жилые дома, и у каждого теперь есть отдельная квартира. И робот, который гладит одежду, моет посуду и ходит... Он хочет написать «по магазинам», но вовремя спохватывается, вспомнив, что магазинов к тому времени уже не будет, потому что всё будет бесплатно, и пишет просто: «за разными товарами». Хорошенько подумав, сообщает, что, скорее всего, в двухтысячном году за товарами и ходить-то будет не надо. Всё, что нужно, другие роботы будут приносить прямо домой. Чуть было не вырывает страничку, чтобы заново всё переписать. Но в последний момент решает, что и так сойдёт. Никто ведь не знает: а вдруг они будут не ходить, а летать на тех же вертолётах. Успокоенный этой мыслью, добавляет, что на фабриках тоже работают только роботы. Люди же летают в космос, играют в футбол и пишут книги. Из этих слов будто сама собой вырастает картина завода, где царит чистота и безлюдье, и по формам льётся неизвестный металл голубого цвета, руду которого добывают на планете Венера.

Ещё ложась на свой диван, устало думает: а почему именно голубого? Нет, правда: почему?

Обход

– Броня Исааковна, сколько вам лет?

– Много, много, много!

Сморщенная, с крючковатым носом, старушка напоминает птицу. Движения рук хорошо дополняют это сходство.

– В нашем городе есть только две женщины, которые скрывают свой возраст. Это Фейга Яковлевна и Броня Исааковна.

Гиннес, медлительный и высокий, закончил наконец причёсывать плотные седые кудри, обрамляющие лучезарную лысину, и поворачивает голову туда-сюда, раздумывая, что бы такое с ней ещё сотворить.

– Сегодня вечером я её увижу. Мне передать от вас привет?

– Вы идёте? О-о, я такая рада за вас.

– Да, Броня Исааковна. Я не могу не пойти. А вы-ы?

Она машет рукой. Её жилистая кисть из рукава белого халата кажется тёмно-коричневой.

– Какое пойти! Сегодня Софа опять подкинёт мне своих золотушных отпрысков.

– А что Семён Семёнович?

– Семён Семёнович страшно занят. Он реставрирует мебель.

– Всё ещё реставрирует? Или это уже другая мебель?

Мужчина распахивает дверцу шкафа. Критически оглядывает свежевыглаженный халат, держа плечики на вытянутой руке. Со стороны можно подумать, что он поймал кого-то за шкуру.

– Нет, это всё та же мебель. Дело в том, что прежде, чем что-нибудь решить, он сначала всё рассчитывает. Имеет такую привычку.

Стуча старомодными каблуками, она пробегает в смежную комнату и склоняется над столиком, уставленным баночками с мочой.

– А правда, что если в какой-то баночке недостаёт урины, то вы добавляете в неё из других?

– Вы всегда всё путаете, Леонид Наумович! Это говорили о Евдокии.

– А-а.

Он оборачивается к зеркалу. Поправляет галстук и застёгивает халат на все пуговицы.

– О Евдокии, которая уже сорок лет, как здесь не работает.

– Сорок лет! Как бежит время.

– Я удивляюсь, откуда вы вообще можете о ней знать!

Губы мужчины трогает едва заметная улыбка.

– Мадам Кудасова уже на работе?

– Она, коне-эчно, уже на работе. Но до меня ещё не добралась.

– Ещё бы! До вас не так-то просто добраться.

В палате бело и солнечно. Навстречу доктору лица больных самопроизвольно растягиваются в улыбках.

– Ну-у, и как тут у нас? – вместо приветствия заговаривает он. – Вот вы, молодой человек. Вижу, вы поменяли койку. Поближе к выходу?

– Всю ночь бегал. Не знаю уж, куда, – сипит с дальней кровати грузный Жорик, водитель. – Прибёг только под утро, весь в духах. Вы вот его обнюхайте!

– Один мой знако-омый примерно так же набегал на тысячу двести рублей в месяц. Это ещё теми деньгами!

Доктор ощупывает поясницу парня. Тот дёргается от резкой боли, но, закусив губу, терпит.

– Як? Заробыв? – удивляется пожилой поджарый каменщик Павло Зима.

– Заработал двадцать пять процентов алиментов. Как одну копеечку.

Палата взрывается хохотом. В проём двери просовываются две любопытные посторонние физиономии и встают там на мёртвый якорь.

– На свидания бегать пока рановато.

Он переходит к Жорику.

– Так будем ещё лазить зимой под машину?

– Да как же под неё не полезешь, Леонид Наумович! Ехать-то надо.

– И снова приедете прямо сюда. Это я вам обещаю как родному сыну. Берите сейчас же направление на ВТЭК.

– А так можно?

Жорик поднимается с постели, изо всех сил преодолевая боль. Глаза заполняются слезами. Губы дрожат, готовые искривиться в стоне.

– Попросите мадам Кудасову, она сделает.

– Неужто!

– Ну... – пожимает плечами доктор. – Чего не попросите, того не сделает.

Он закуривает сигарету. Дым тонкой струйкой вытягивается в большую форточку – так, что в палате чувствуется лишь лёгкий аромат «Золотого руна».

– Ты ведь ещё и псих, – говорит он Жорику.

Тот грустно качает головой.

– Оно тебе нужно как гадюке стоматолог.

– Да как же!..

Жорик дёргается и осекается, сражённый болью.

– В мире очень мало вещей, которые стоят того, чтобы тратить на них нервы.

– Да ну-у!..

– И если я не прав, пусть меня поправит тот, кто скажет, что их и совсем нет.

С соседней койки слышится мычание парализованного, что привезли накануне вечером.

– Ваня! – зовёт Гиннес, пройдя своей иглой вдоль рук и ног больного.

Парень подходит хотя и скрючиваясь, но довольно проворно.

– Никогда не бери пример с этого человека, – картинно указывает врач на Жорика. – Ради всего святого не валяйся зимой под машиной.

– У меня нет машины.

– Даже тогда, когда у тебя её нет. И очень тебя прошу, не рви тяжести перед собой. Ты у нас грузчик?

– Студент. И по совместительству грузчик.

– Ты это усвой как студент. И запомни на всю жизнь как грузчик. Постой! Я, вообще-то, не для того тебя подозвал. Видишь, кто это?

Лежачий сводит на парня глаза и пытается улыбнуться.

– Это Василий Никитич, ветеран войны и труда. Ты подзаймись-ка с ним, пожалуйста.

– Чем же я с ним займусь?

– А ему надо петь.

– Петь... Чего петь?

– Всё равно. Хоть «Катюшу», хоть «Тачанку». Хоть «В лесу родилась ёлочка». Вот попробуй. Попробуй, не зарывай талант в землю!

Парень несмело затягивает: «В лесу-ро-ди-лась-ё-лоч-ка...» Василий Никитич изо всех сил пытается подпевать, но из него вырываются лишь свистящие звуки.

– Вот так понемножку, помаленьку. Но каждый день. Чем по девкам-то шастать. Да ещё с ишиасом.

Похлопывает Ваню по плечу.

– Я на тебя рассчитываю.

Василий Никитич смотрит на доктора широко раскрытыми бледно-голубыми глазами.

– Вот так, дорогой, – повышает голос Гиннес. – А научитесь петь, будете вот с этим молодым человеком разучивать польку. Бабочку.

Он вспорхнул руками, и голова лежащего затряслась от деформированного недугом смеха.

А доктор уже обращается к Зиме.

– Я посмотрел ваши снимки. Мне можно. Другим советую показывать их как новенький червонец: только из своих рук. И на расстоянии. Я не шучу. Их могут забрать и смыть. А вам очень важно хранить их. Всю жизнь. Что ещё-о? Ещё скажу, что операция вам нужна.

– Та мэни вже обещалы узяты.

– Где это обещали? У нас?

– У областным.

– Вы с ума сошли.

– Но там ж робят...

– Конечно, делают. Раз в месяц. По високо-осным. Надо ехать туда, где их делают...

Хотя бы по одной в день. К ребятам, которые на этом сидят.

– Й-ихать?..

– Например, в Питер. Или, скажем, в Новокузнецк.

– Ось як!

– Геморрой, и тот надо знать, где вырезать. А тут позвоночник... Ни в коем случае! Хоть и предложат с любезной улыбкой. А то получится: «Доктор, у меня язва, а вы вырезали аппендикс. – Нет, вы посмотрите на эту язву! Ему уже жалко аппендикса!»

Посторонние физиономии в проёме сдавленно фыркнули.

– Леонид Наумович! – дрожащим голосом зовёт мелкий старикашка с угловой кровати. – Вы про меня не забы-ыли?

– Ну, что-о вы! – громко отзывается доктор. – Ру-унчик! Владимир Абра-амыч, дорогой. Как же я могу про вас забыть?

Усаживается перед больным на табуретку и смотрит долгим внимательным взглядом.

– Давно хочу у вас спросить. Кого вы защитили?

– Что-о? – вскидывает тот голову, лысую и лёгкую как майский шарик.

– Я говорю: вы всю жизнь в юриспруденции. А хоть кого-нибудь защити-или?

Взгляд старика загорается, и он, вскинув вверх тоненькую руку, взвизгивает:

– Я-а?! Многих, о-очень многих. Одному человеку грозил расстрел. А я защищал так, что его оправдали. Вынесли оправдательный приговор. Это было ещё при Сталине. Вы понимаете, о чём я говорю?

– Вы так рисковали?

Он прижал тощую как каркас от зонтика пятерню к грудной клетке.

– Но я был на сто проце-энтов уве-эрен, что он невиновен.

Гиннес достал молоточек, постучал пациента по коленкам. Провёл иглой по голым подошвам. Соседи прыснули, видя, как тот извивается.

– Что ж, рефлексы...

– Ноги ника-ак не улучша-аются.

– Что делать, Владимир Абрамыч, что делать. Годы берут своё. У меня когда-то была великолепная шевелюра. А теперь смотрите, вот!

Он сгибается и звонко шлёпает себя по лысине.

- Значит, купания в реке отменя-аются? – не унимается Рунчик.
- За всё на свете надо платить. Вы жизнь обманули! – с улыбкой наклоняется к нему Гиннес. – Молодую жену взяли? А? Расплата. Я говорю: расплата-то должна быть?
- Да-а... Взя-ал, – эхом отзывается Рунчик. – Но кто мне теперь позавидует!
- Зато очень многие позавидовали ей.
- Скоро и ей не позавидуешь.
- Доктор хитро сощуривается.
- Как знать, Владимир Абрамыч, как знать. Вдруг позавидуют ещё больше!
- На лицах обоих расцветают скромные усмешки.
- «Купа-ания»! Кажу спасибо, шо ще живый до цих рокив, – чуть слышно бормочет Зима, когда Гиннес скрывается за дверью.
- Ему легко говорить: «Не трать нервы»! – гремит Жорик, обращаясь ко всей палате сразу. – Что ему, профессору! А тут... Начальство лает, жена пилит, дети орут, гаишники зверствуют. Бандюки на всех дорогах. Эх-х!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.